

«ВЫЗОВЫ» И «ОТВЕТЫ» В ИСТОРИИ РОССИИ XVIII ВЕКА

НЕФЕДОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, профессор Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия (hist1@yandex.ru).

Аннотация. Недавно принятая «Стратегия научно-технического развития Российской Федерации» рассматривает стоящие перед государством задачи в тойнбианской терминологии «вызовов и ответов». Эта тема для России не нова и не является спецификой XXI в. В предыдущей статье были проанализированы вызовы, с которыми столкнулась Россия в XVII в. и ответом на которые были реформы Петра I. Эти реформы выразились в попытке создания «регулярного государства», но они породили традиционалистскую реакцию. Многие результаты реформ были утрачены. В Пруссии программа создания «регулярного государства» выполнялась последовательнее, и в 1740-х гг. эта новая военная держава бросила вызов окружающим странам, в том числе России. Ответ России выразился в неудачных реформах Петра III, которые привели к государственному перевороту, ослаблению государства и формированию «дворянской монархии». Российское общество не смогло противостоять новому вызову распространявшейся французской аристократической культуры. В итоге к социальному расколу добавился культурный. К концу XVIII в. усилился вызов со стороны западных «регулярных государств» – Пруссии и Австрии. Павел I попытался ответить на этот вызов, но и эта попытка не удалась.

Ключевые слова: стратегия научно-технического развития • Тойнби • вызовы и ответы • исторический опыт • XVIII век • импорт институтов • импорт технологий • Россия

DOI: 10.31857/S013216250002165-4

Постановка вопроса. В «Стратегии научно-технического развития Российской Федерации» в качестве приоритета заявлено обеспечение «возможности эффективного ответа российского общества на *большие вызовы* с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий... в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук»¹. Тема вызовов и ответов, с которыми встретила Россия, не нова и не является чем-то специфическим для XXI в. Для анализа вызовов и возможных ответов на них могут быть привлечены данные исторической социологии. Предыдущая статья рассматривала вызовы, вставшие перед Россией в период от окончания Великой Смуты до смерти Петра I [Нефедов, 2017]. В настоящей статье рассмотрены проблемы последующего периода – до конца XVIII в.

После Петра Великого. Правление Петра I завершилось глубоким кризисом. Непосильные налоги вызвали голод 1723–1726 гг. После смерти Петра при императрице Екатерине I у власти находилась группа ближайших соратников преобразователя, возглавляемая князем А.Д. Меншиковым. Но в условиях кризиса, уменьшения поступлений от налогов, отсутствия средств им не оставалось ничего иного, как начать демонтаж петровских учреждений. Армия чиновников, созданная административной

¹ Стратегия научно-технического развития Российской Федерации. URL: <http://sntrrf.ru/upload/iblock/dc8/УказПрезидентаРФоСтратегиинаучно-технологическогоразвитияРоссийскойФедерации.pdf> (дата обращения: 22.02. 2018). С. 10.

реформой Петра, была частично распущена – не было денег для ее содержания. Ряд изданных в 1727 г. указов возвращал областную администрацию к допетровским временам, суд и сбор налогов были снова поручены воеводам, а дьяки, как и прежде, должны были иметь пропитание «от дел». Коллегии сохранились, но их штаты были сокращены втрое; контрольный институт прокуроров был уничтожен [Павлов-Сильванский, 1910: 385–391].

Расходы на флот в результате недоимок по сбору пошлин сократились на четверть. В 1727–1730 гг. не было заложено ни одного линейного корабля. Корабли, построенные Петром из сырого леса, сгнили. В 1731 г. из 36 линейных кораблей в море могли выйти 13; из них 8 были полностью боеспособны [Петрухинцев, 2001: 214, 328–329]. Шведский посланник доносил в Стокгольм: «Русский галерный флот сравнительно с прежним сильно уменьшился; корабельный же приходит в прямое разорение» (цит. по: [Бескровный, 1958: 108]). Сократились расходы на армию. Военные не получали установленного содержания. В январе 1727 г. польский посол писал, что флот девять месяцев не получает ни гроша, а гвардия – около двух лет (цит. по: [Костомаров, 1994: 520–521]). В 1727 г. было разрешено две трети солдат и офицеров из дворян уволить в продолжительные (год и более) отпуска без сохранения оплаты; на службе рекомендовалось оставить тех, у кого не было поместий и кто жил жалованьем. Была создана Военная комиссия для сокращения штатной численности армии с целью уменьшения подушной подати [Соловьев, 1992: 575; Петрухинцев, 2001: 142].

Нехватка средств совмещалась с недостатком энергии: новые правители были не в силах (и не хотели) поддерживать темп государственной деятельности Петра Великого, вникать в дела и руководить всем и вся путем бесчисленных указов. Смерть императора означала резкий спад в политике государственного регулирования.

После смерти Екатерины I, при юном императоре Петре II, к власти пришла партия старомосковского боярства во главе с князьями Долгорукими и Голицыными. Старинные бояре продолжали носить дома русскую одежду, ферязи и охабни. Они ненавидели детище Петра Великого Петербург. «Петербург, – говорил князь Д.М. Голицын, – это часть тела, зараженная антоновым огнем; если ее впору не отнять, то пропадет все тело» (цит. по: [Костомаров, 1994: 551]). В феврале 1728 г. двор и государственные учреждения переехали из Петербурга в Москву. Жизнь Петербурга замерла, началось бегство из города дворян, купцов и мастеровых. Строительные работы были остановлены, сотни недостроенных домов постепенно превращались в руины [Сомина, 1959: 23]. Преобразования Петра Великого в конечном счете вызвали волну *традиционалистской реакции*, которая свела на нет многие результаты реформ. На этом примере мы видим, что за «Ответом» следует *традиционалистская реакция* – попытки вернуть страну в прежнее состояние.

Что осталось от реформ Петра Великого? Напомним, что вызовом Запада, на который пришлось давать ответ, была вооруженная фузеями и полковыми пушками регулярная армия. И ответом Петра было создание новой армии: она комплектовалась на основе рекрутской повинности; дворян заставили учиться в школах, служить солдатами в ожидании повышения (офицером мог стать и выслужившийся простолюдин). Петр обеспечил новую армию отечественным оружием: полковые пушки и фузеи теперь в достаточных количествах производили на тульских и уральских заводах. И хотя после смерти императора численность армии уменьшилась, она сохранилась и оставалась самой могущественной силой на востоке Европы. «Ответ» Петра Великого заключал в себе нечто большее, чем создание новой армии – Петр пытался создать «регулярное государство», в котором все сферы жизни общества подлежали бы государственному регулированию в целях достижения «всеобщего блага» [Нефедов, 2014]. Этот ответ предполагал импорт (как считалось) свободных от коррупции западных институтов, но здесь из заимствований уцелели лишь обломки петровской административной системы в виде коллегий и губерний. Попытки построить «регулярное государство» на основе опережающей научно-технической политики были прекращены; политика индустриализации отошла в прошлое, заводы и мануфактуры теперь редко строились на казенный счет.

Одним из важнейших результатов реформ Петра Великого было установление абсолютизма, возможность государственного вмешательства в любые сферы – политику, экономику, культуру, образование, дела церкви и т.д.² Абсолютистский режим подвергся натиску традиционалистской реакции преемников Петра. После смерти Петра II власть оказалась в руках Верховного Тайного совета, – по большей части из старой знати. Князь Д.М. Голицын предложил избрать на престол племянницу Петра герцогиню курляндскую Анну Иоанновну, ограничив ее власть «кондициями». Исследователи рассматривают этот проект как попытку реставрации традиций Московского царства и Боярской думы [Kivelson, 2001: 17–18]. Однако «верховники» потерпели поражение, абсолютизм устоял. Пришло время «немецкой партии», когда отчетливо проявились последствия того, что ответ, данный Петром на вызов Запада, заключался не только в импорте технологий и институтов, но и в импорте западных специалистов, способных поддерживать эти технологии и институты. «Анна взшла на престол с твердым намерением следовать правилам своего дяди Петра I, – свидетельствует Б.-К. Миних, – но она хотела довершить начатое им, опираясь больше на честность и способность иностранцев, чем природных русских, – ибо до Анны бояре, в руках которых находилась власть, старались только в том, чтобы разрушить дело, начатое Петром» (цит. по: [Соловьев, 1993: 388]).

Переворот 1741 г. стал продолжением долгой традиционалистской реакции, привел к власти «природных русских». По свидетельству К. Манштейна, Елизавета обещала тем, кто помог ей взойти на престол, что она освободит их от притеснений иноземцев [Манштейн, 1998: 307]. Вождей «немецкой партии» отправили в ссылку; многие иностранные офицеры уехали из России. Петровский абсолютизм постепенно утрачивал силу, Елизавета почти не занималась делами, препоручив управление фаворитам – Шуваловым, Разумовским и пр. В администрации процветали взяточничество и лихоимство. Императрица признавала, что «ненасытная алчба корысти до того дошла, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем» (цит. по: [Анисимов, 1986: 72]). Армейская дисциплина ослабла, примерно половина офицеров-дворян постоянно находилась в отпусках, остальные пренебрегали подготовкой солдат. Распространился обычай записывать дворянских детей в полки с малолетства, так что, подрастая, они получали офицерский чин [Леонов, Ульянов, 1995: 68, 74]. В определенном смысле эту практику можно рассматривать как возвращение к старомосковским традициям, когда дворяне собирались в полки лишь по время походов, а дворянские дети получали чины и поместья. Возвращение к допетровским временам проявилось в приватизации созданной Петром I горной промышленности. Фавориты и вельможи получили в управление заводы и превратились в крупных заводчиков и торговцев, в огромных масштабах поставлявших железо за границу [Павленко, 1962: 468–473].

Прусский вызов. Между тем, к середине XVIII в. Россия столкнулась с новыми вызовами Запада. Один из них исходил от Пруссии. Реформы короля Фридриха-Вильгельма I преследовали ту же цель построения «регулярного государства», что и реформы Петра I, но прусский король преуспел в этом больше. Жизнь в Пруссии регулировалась многочисленными регламентами и инструкциями, установленными, как считал король, в целях общественной пользы. «Фридрих-Вильгельм I довел самодержавную форму правления до высшей степени развития... – пишет В. Фенор. – Обо всем, о самой последней мелочи, докладывали королю, обычно находившемуся в Потсдаме или Вустерхаузене. Там он все решал самостоятельно и отдавал распоряжения готовить указы, разлетавшиеся затем по всей стране, как гром и молния. Для всех король был образцом усердия и эталоном рабочего ритма, “внизу” все было в постоянном движении: министры говорили, офицеры муштровали, солдаты брали на караул, бюргеры производили товары, а крестьяне работали на полях и стройках. Все государство двигалось как батальон на парадном плацу» [Фенор, 2004: 229].

² Роль государства у ряда обществоведов, в частности, у В. Парето, выступает критерием классификации такого строя, как социалистического. См., напр.: [Зотов, 2001].

В соответствии с теорией «военной революции» Фридрих-Вильгельм I построил милитаризованное государство, главным компонентом которого была армия. Первым и главным его регламентом был подробный военный устав 1714 г. За время правления короля прусская армия увеличилась с 30 до 75 тыс. человек. Маленькая Пруссия стала одним из сильнейших государств Европы; под ружьем находилось 3% населения страны. Король постоянно носил военную форму и лично занимался обучением солдат, всю первую половину дня он проводя на вахтпарадах. Фридрих-Вильгельм I ввел знаменитую «прусскую муштру» – необходимый элемент линейной тактики. Доведенный до автоматизма процесс позволил прусскому солдату делать 5 выстрелов в минуту, в то время как солдаты других армий производили лишь 2–3 выстрела. Дисциплина и порядок, изнурительная муштра поддерживались с помощью палки; офицеры и унтер-офицеры носили трость, избивая солдат за малейшую ошибку. Фридрих-Вильгельм I (как и Петр I) носил трость, которую постоянно пускал в ход, не разбирая, кто перед ним – простолюдин или «благородный» [Фенор, 2004: 140, 153–157, 186–188].

Фридрих-Вильгельм I был относительно миролюбив. Но его сын Фридрих II стремился использовать возросшую военную силу Пруссии для расширения ее территории. Его армия добилась славы победами в войне за австрийское наследство (1740–1748). В Семилетней войне (1756–1763) Фридриху II приходилось сражаться с подавляющими силами трех великих держав, Австрии, Франции и России. Тем не менее прусский король одержал победы над французами при Россбахе, над австрийцами при Лейтене и над русскими при Цорндорфе. Несмотря на неудачи (Кунерсдорф), преимущества прусской армии были очевидны для генералов и политиков европейских держав и породили волну перенимания прусских порядков – военных и государственных.

Реформы «короля-философа» Фридриха II создали из Пруссии образец просвещенной монархии и подобие «регулярного государства», о котором мечтал Петр I. В 1740-х гг. под руководством канцлера Коччеги была создана строго иерархичная и «правильно» функционирующая административная система, введены постоянные ревизии, новые чиновники стали получать вдвое большие оклады и уже не брали взятки. Дисциплина, исполнительность и четкость прусских чиновников и офицеров кристаллизовалась в понятии «Ordnung» – прусский «порядок».

Вызов Пруссии имел как *военно-технический*, так и *идеологический* характер: он был обусловлен привлекательностью идеи «порядка», идеи «регулярного государства»³. По существу, это было продолжение «шведского» вызова, давшего толчок реформам Петра I. Опять первым ответом на новый вызов были преобразования в армии; их инициатором выступил поклонник прусской военной системы генерал-фельдцейхмейстер граф П.И. Шувалов. Он переучил подчиненные ему части на прусский лад. Его эксперименты произвели большое впечатление на Военную коллегию. В 1755 г. в русской армии был введен устав прусского образца, делавший упор на стрелковой тактике и скорости перестроений [Бескровный, 1958: 155].

Среди поклонников прусского короля был и наследник русского престола, сын голштинского герцога Карла Фридриха и дочери Петра I Анны, Карл-Петер, которого в России называли «Петром Федоровичем». Карл-Петер до 14 лет воспитывался в Германии, и, по отзывам современников, был истым немцем; он плохо говорил по-русски. Получив от императрицы Елизаветы поместье в Ораниенбауме, Карл-Петер завел здесь маленькое войско, – по большей части из голштинцев, обученное прусскими офицерами и носившее прусскую форму [Мыльников, 1991: 50, 61].

Став императором Петром III, Карл-Петер заключил союз с Фридрихом II и попытался ввести в России прусские порядки. В армии были введены строгая дисциплина, военная форма прусского образца и новые военные штаты [Бескровный, 1958: 155]; офицеры должны были по-пруски муштровать солдат. Чтобы пополнить казну,

³У идеи «идеальной бюрократии» М. Вебера была, как видим, предыстория.

Петр III по немецкому протестантскому образцу конфисковал церковные имущества. Подражая Фридриху II, он желал наладить дисциплину в государственных учреждениях – ввести в России прусский «Ordnung». Чтобы компенсировать офицерам и чиновникам обременения, Петр III издал «Манифест о вольности дворянства», который даровал русскому дворянству привилегию, которой формально обладало немецкое дворянство – свободу от обязательной службы. При этом император выражал желание, чтобы освобожденные от обязанности дворяне продолжали служить и чтобы служба стала для них, как в Пруссии, делом чести [Мыльников, 1991: 61–75].

Ответ Петра III на прусский вызов подразумевал *импорт военной техники и импорт институтов «регулярного государства»* – в том числе восстановление утратившего силу абсолютизма. Однако и здесь последовала *традиционалистская реакция*. Гвардейские офицеры были недовольны отягчением службы; священнослужители протестовали против секуляризации. Петра III обвиняли в измене православию, в союзе с Фридрихом II, в предательстве интересов России. Поднявшая бунт гвардия посадила на престол его жену Екатерину.

Последствия неудачного ответа. Попытка реформ Петра III – пример *неудачного ответа на вызов Запада*. Реформы были слишком поспешными и раздражали русское общество очевидным копированием порядков враждебной Пруссии. Петр III был немцем, случайно оказавшимся на русском престоле, он не имел авторитета, необходимого для проведения реформ, военной силы, которая поддержала его. Реформы были полны противоречий. Желая восстановить сильное государство, император подорвал его устои – освободил дворян от обязательной службы. «По существу, своими законодательными актами он совершил революцию в системе социальных отношений России, – пишет А.Б. Каменский, – в борьбе с государством дворянство одержало окончательную победу» [Каменский, 2001: 314].

Победа дворянства означала поражение абсолютизма. Посаженная на престол гвардейцами, пишет В.О. Ключевский, «Екатерина чувствовала себя на углях». В разговоре с иностранным послом она сравнивала себя с зайцем, которого поднимают и травят со всех сторон [Ключевский, 1937: 50,52]. Заговоры следовали один за другим. В 1772 г. (после девяти лет правления), узнав об очередном заговоре в гвардии, императрица перепугалась, бежала из столицы в Финляндию, а когда заговорщики были арестованы, не посмела казнить никого из них [Мадариага, 2002: 412]. Лишь во второй половине царствования авторитет Екатерины укрепился благодаря военным победам, но эти победы были обусловлены слабостью противников – Польши и Турции.

Правление Екатерины было, по существу, правлением фаворитов и приближенных вельмож. Власть на нижнем, уездном уровне была передана в руки местных дворян, которые получили право выбирать уездного капитан-исправника. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. оформила существование дворянских губернских корпораций. Их органы – дворянские собрания, избирали губернских и уездных предводителей дворянства, капитан-исправников и судебных заседателей. Статьи 11 и 24 «Жалованной грамоты» запрещали практиковавшиеся в рамках поместной системы произвольные конфискации поместий и устанавливали принцип, по которому дворяне получали право свободного распоряжения своими имениями. Это означало признание частной собственности дворян на землю. Незадолго до этого Екатерина II ввела в российское законодательство термин «собственность», сразу принявший частноправовой характер. Так, вслед за освобождением дворян от службы была юридически оформлена приватизация дворянских имений, земли которых при поместной системе считались государственными.

О прусском (или каком-то другом) порядке «регулярного государства» больше не было речи. Коррупция стала еще одним способом перераспределения доходов в пользу дворянства. Екатерина не смела контролировать генералов и полковников, и, пользуясь этим, они присваивали деньги, отпускаемые на содержание полков. «Несколько полковников признались мне, что каждый год получают от трех до четырех тысяч рублей со своих полков», – свидетельствует французский посол Сегюр. Князь Цицианов, приняв полк от предшественника, писал, что довольствие

расхищается и не доходит до солдат, что «ротные командиры избалованы и считают роту за деревню» [Бескровный, 1958: 440].

Разложение отмечалось в среде чиновничества. «Судии во всяких делах стали стараться..., лихоимственно продавая правосудие, получить себе прибыль», свидетельствует князь М. Щербатов [Щербатов, 1983: 1–2]. «В 20 последних лет предыдущего царствования всевозможные части управления пришли в упадок... – докладывал в 1797 г. прусский посол генерал Гребен. – Чиновники, без всякого исключения, проводили дни в попойках и игре... Отсюда проистекало взяточничество в обширных размерах... отсюда же проистекали бесчисленные злоупотребления...». «Внутри страны происходят ужасы, – писал Ф.В. Растопчин. – Никогда еще преступления не были так наглы, как ныне. Безнаказанность и дерзость дошли до крайнего порядка» (цит. по: [Сорокин, 1999: 213–214]).

Суть «дворянской революции» 1760-х гг. заключалась не только в «освобождении» дворян и разложении государства – ее обратной стороной было отягощение крепостного состояния крестьян. Манифест 1762 г. «окончательно порешил судьбу крестьян и обратил их в полную исключительную собственность помещиков» [Беляев, 2002: 380]. Обессиленная монархия не могла регулировать отношения между сословиями и защищать крестьян от притязаний помещиков. В 1765 г. Екатерина II предоставила помещикам право без суда и следствия отправлять своих крестьян на каторгу, то есть применять наказание, которое давалось только за самые тяжкие уголовные и государственные преступления. В 1767 г. крестьянам запретили жаловаться на помещиков, попытки обращения за справедливостью стали квалифицироваться как преступления. Крестьяне стали «частной собственностью помещика», а помещики превратились в «рабовладельцев» [Ключевский, 1937: 140, 152]. Таким образом, за неудачным ответом Петра III на прусский вызов последовало разрушение прежней социальной и государственной структуры; на её место пришла получившая в историографии название «дворянская монархия».

Французский вызов. Вызов от прусского «регулярного» государства был не единственным в XVIII в. Другая волна диффузионного влияния шла из Франции и ассоциировалась с победами Людовика XIV и блеском Версаля. Франция сравнительно медленно двигалась по пути к регулярному государству и усваивала военные достижения XVIII в.; во французской армии до конца столетия не было ни рекрутской повинности, ни легких пушек. Страна терпела поражения от пруссаков и австрийцев, оставаясь самым большим государством Европы. До поры до времени эти поражения не угрожали ее существованию. Французское общество сохраняло архаичные ренессансные черты – роскошь двора и излишества французской аристократии. Предметы роскоши были основной продукцией парижской промышленности. Изысканная французская культура, отождествляемая с Версалем и «Комеди Франсез», в конечном счете, также была порождением аристократизма и аспектом роскоши; простой народ не знал об её существовании. В XVIII в. эта культура распространилась по Европе. Фридриху-Вильгельму I стоило труда противостоять проникновению французской роскоши и французских нравов. Такой вызов подразумевал мирное распространение культуры, идей, нравов. В контексте нашей темы важно зафиксировать: вызовы могут иметь *идеологический и культурный* характер. Тем не менее они требуют ответа.

Императрица Анна Иоанновна, как и прусский король, боролась с распространением излишеств и роскоши. Их распространение в России началось при Елизавете Петровне. По её заказу знаменитый итальянский архитектор Растрелли построил два дворца, способных соперничать с Версалем: Зимний дворец в Петербурге и Большой дворец в Царском Селе. «Капители колонн, фронтоны, наличники окон, даже статуи вдоль верхней балюстрады дворца – все было позолочено», – писал Растрелли (цит. по: [Анисимов, 1986: 168]).

Екатерина II намного превзошла предшественницу. «Роскошь и блеск придворных нарядов, и обилие драгоценных камней далеко оставляют за собой великолепие других дворов», – писал английский путешественник У. Кокс [Кокс, 1877: 30].

Дворянство следовало примеру императорского двора. «Примеры таковые не могли не rozлиться на весь народ, – писал князь Щербатов, – и повсюду роскошь и сластолюбие умножились. Дамы стали великолепно убираться и стыдились неанглийские мебели иметь; столы учинились великолепны и повары... стали великие деньги в жалованье получать... Вины дорогие и до того незнаемые не токмо в знатных домах вошли в употребление... Роскошь в одеждах все пределы превзошла... и в таком множестве, что часто гардероб составлял почти равный капитал с прочим достатком какого придворного...» [Щербатов, 1983: 72].

Распространение французской культуры привело к «офранцуживанию» русского дворянства. Дворяне подражали французским манерам, читали французские книги, посещали театр, где играли французские актеры. Французский язык стал языком русской знати. Вошло в обычай давать только что родившемуся ребенку кормилицу-француженку, чтобы она учила его говорить по-французски [Тургенев, 2001: 232]. «Русское дворянство отделено от других сословий не только многочисленными привилегиями, – писал Н.И. Тургенев, – но и внешним видом, одеждой, и, словно опасаясь, что различие это может показаться недостаточным, дворяне... отказались от родного языка и даже в частной жизни, в кругу семьи, говорят обыкновенно на иностранном языке. Отличаясь от народа привилегиями, образом жизни, костюмом и наречием, русское дворянство уподобилось племени завоевателей, которое силой навязало себя нации, большей части которой чужды их привычки, устремления, интересы» [Тургенев, 2001: 190]. «Новая культура стала достоянием лишь малой части народа, в результате разделившегося на две неравные части, – указывает А.Б. Каменский. – Произошел культурный раскол русского народа... который стал, по сути, его трагедией. Столь часто с насмешкой описываемая в светских школьных учебниках ситуация, когда русские крестьяне воспринимали своего говорившего по-французски барина как “немца”, была на деле знаком величайшей беды русской истории, грозившей разрушительными социальными последствиями» [Каменский, 2001: 161].

Сильное государство смогло бы ответить на вызов роскоши ограничительными законами – как в Пруссии. Но екатерининская монархия не реагировала на этот вызов, и отвечать (много позже) пришлось обществу. *Культурный раскол* – таким оказался ответ российского общества на французский вызов.

Охватившая дворянство страсть к роскоши не могла не повлиять на экономику страны. «Лет 70 назад, – писал в 1856 г. историк и философ Ю.Ф. Самарин, – владельцы значительных имений мало занимались сельским хозяйством и по большей части довольствовались умеренным оброком... Они управляли своими вотчинами издали... оставляя в покое крестьян... Этот порядок вещей изменился постепенно под совокупным действием многих причин. Имения быстро дробились и с каждого нового раздела средства владельцев уменьшались, а потребности, как существенные, так и искусственные, порожденные непомерным развитием роскоши, не только не ограничивались, но и возрастали в изумительной прогрессии... Тогда дворяне почувствовали необходимость пристальнее заняться своими делами, увеличить свои доходы... и для достижения этих целей, естественно, избрали самое сподручное и дешевое средство: *заведение барщины*» [Самарин, 1878: 17–18].

Создатели крепостных латифундий не знали меры в эксплуатации крестьян. Помещичьи инструкции полагали естественной работу крестьян по воскресеньям и праздникам – прежде это считали преступлением. Установленные нормы барщины часто оказывались непосильными, у крестьян не оставалось времени для обработки своих полей. «Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от помещиков, – писал А.Т. Болотов, – и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием» (цит. по: [Милов, 1998: 400]). Ответом стало восстание Пугачева.

Реформы Павла I. Россия переживала последствия «дворянской революции», а вызов со стороны Пруссии набирал новую силу. В 1760-х гг. этот вызов был поддержан Австрией: император Иосиф II приступил к созданию «регулярного государства» прусского образца. Иосиф II пошел дальше Фридриха II: он ограничил крестьянскую

барщину, а в 1781 г., объявил об освобождении крестьян. Рядом с ослабленной внутренним разложением Россией теперь стояли две военные державы, построенные на началах прусского «Ordnung». Их организованность и мощь производили неизгладимое впечатление. Посетивший Берлин и Вену наследник Екатерины Павел стал восторженным поклонником Фридриха II. Павел подражал ему в одежде, походе, в манере ездить на лошади, в режиме дня, в грубоватом солдатском обхождении. Конечно, речь шла не только о подражании королю: идеалом Павла было прусское «регулярное государство». Вернувшись в Россию, Павел создал в Гатчине «маленькую Пруссию»: чистый городок с аккуратными домиками, больницей, школой, четырьмя церквями разных исповеданий и караульными будками, окрашенными в прусские государственные цвета; было устроено по прусскому образцу несколько мануфактур. Обученная по-прусски армия была одета в прусские мундиры, ее возглавлял прусский полковник, а офицеры – русские – придумывали себе вторые немецкие фамилии [Валишевский, 1990: 38–39, 68–70, 135; Сорокин, 1996: 177, 198].

Став императором, Павел I приступил к реформам, целью которых было наведение «прусского порядка» в государственных учреждениях, восстановление дисциплины в гвардии и в армии. Полторы тысячи малолетних офицеров были исключены из списков; примерно таким же было число отставленных за хищения; два десятка генералов и более ста старших офицеров были сосланы в Сибирь [Эйдельман, 1982: 90–111]. «Начиная с Павла, – свидетельствует Ланжерон, – довольствие всегда выдавалось точно и даже до срока. Полковники не могли более присваивать то, что принадлежало солдатам» (цит. по: [Эйдельман, 1982: 133]).

Условия службы офицеров при Павле стали тяжелее, но возобновилась боевая подготовка, император сам принимал вахтпарады, заставляя гвардейцев маршировать «прусским шагом». Павел пытался отучить гвардию от роскошной праздной жизни, превратить ее из скопища придворных в воинскую часть. Офицерам запретили ездить в каретах, носить шубы и муфты; мундиры отныне должны были шить из простого сукна, что было в пять раз дешевле. Был запрещен импорт европейских тканей, хрусталя, фарфора, зеркал и прочих предметов роскоши. Офицерам запретили брать в долг деньги и товары, за большие долги их садили под арест, жалование шло кредиторам [Сорокин, 1996: 52].

Павел считал, что (как в Пруссии) военная служба должна быть для дворян делом рыцарской чести – отсюда его постоянные разговоры о «рыцарстве». В начале 1797 г. император предложил дворянам выбрать себе службу, велел «наблюдать, чтобы все сословные преимущества соответствовали служебным заслугам, чтобы не было дворян-тунеядцев» [Сорокин, 1999: 256]. Это была не формальная отмена «вольности дворянства», а скорее форма морального давления, что, тем не менее, не могло быть приятным привыкшим к «вольности» помещикам. Были уничтожены губернские дворянские собрания и ограничено местное дворянское самоуправление.

Подражая Фридриху Великому и Иосифу II, Павел пытался регламентировать отношения дворян и крестьян. Он допустил крестьян к присяге, вернул им право жалобы, запретил работу по воскресеньям и ограничил барщину тремя днями в неделю. Закон об ограничении барщины, торжественно оглашенный в апреле 1797 г., в основных чертах копировал «Патент о барщине» Иосифа II и Марии Терезии (1775 г.), также ограничивший барщину тремя днями. Заметим, Павел встречался с Иосифом II в Вене как раз в те дни, когда австрийский император объявил об отмене крепостничества [Каменский, 2001: 496; Сорокин, 1996: 31].

Однако, пишет Ю.А. Сорокин, «жесткое требование беспорочной службы со стороны императора вызвало невиданное озлобление петербургского дворянства против личности Павла» [Сорокин, 1996: 317]. 12 марта 1801 г. император был убит, и попытка восстановления регулярного государства закончилась неудачей. Дворянство вернуло свои «вольности», закон об ограничении барщины стал мертвой буквой.

Заключение. Исторический опыт указывает, что России неоднократно приходилось давать ответы на экономические, технологические и военные вызовы.

Исследование функционирования механизма «вызов-ответ» выявляет детали, понимание которых полезно и в наше время. Эффективным «ответом» России на вызов Запада были реформы Петра I, попытка создания «регулярного государства». Однако после смерти преобразователя наступил период традиционалистской реакции, многие результаты реформ были утрачены. В Пруссии программа создания регулярного государства выполнялась более последовательно, и в 1740-х гг. эта держава бросила вызов окружающим странам – в том числе России. Ответ России выразился в неудачных реформах Петра III, которые привели к его гибели, ослаблению государства и формированию «дворянской монархии». Российское общество не смогло противостоять вызову французской аристократической культуры. В итоге социальный раскол приобрел культурный характер. Между тем, вызов со стороны западных «регулярных» государств, Пруссии и Австрии, звучал с новой силой. Павел I попытался дать ответ на него, но эта попытка, как и попытка Петра III, закончилась неудачей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М.: Мысль, 1986.
- Беляев И.Д. Крестьяне на Руси. М.: ГПИБ, 2002.
- Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958.
- Валишевский К. Сын великой Екатерины. Император Павел. М.: Икпа, 1990.
- Зотов А.А. Тема социализма в творчестве Вильфредо Парето // Новое и старое в теоретической социологии (Кн. 2) / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М.: ИС РАН, 2001. С. 168–181.
- Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: РГГУ, 2001.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 5. М.: Гос. соц.-эк. изд., 1937.
- Кокс У. Россия в 1778 г. Путешествие Уильяма Кокса // Русская старина. 1877. Т. XIX. С. 23–52.
- Костомаров Н.Н. Раскол. М.: Чарли, 1994.
- Леонов О.Г. Ульянов И.Э. Регулярная пехота: 1698–1801. М.: АСТ, 1995.
- Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- Манштейн К.Г. Записки о России. Ростов-н/Д.: Феникс, 1998.
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998.
- Мыльников А.С. Испытание чудом: «русский принц, его прототипы и двойники-самозванцы». Л.: Наука, 1991.
- Нефедов С.А. «Вызовы» и «ответы» в истории России (на примере допетровских и петровских реформ, 1615–1725 гг.) // Социологические исследования. 2017. № 9. С. 78–87.
- Нефедов С.А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 31–40.
- Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводовладельцы. М.: АН СССР, 1962.
- Павлов-Сильванский Н.П. Сочинения. Т. II. СПб., 1910.
- Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. 1730–1735 гг. СПб.: Алетейя, 2001.
- Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. II. М.: И.Д. Самарина, 1878.
- Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. М.: Мысль, 1992.
- Соловьев С.М. Сочинения. Кн. X. М.: Мысль, 1993.
- Сомин Р.А. Невский проспект. Исторический очерк. Л.: Лениздат, 1959.
- Сорокин Ю.А. Павел I. Личность и судьба. Омск: Омский госун-т, 1996.
- Сорокин Ю.А. Русский абсолютизм в последней трети XVIII века. Омск: Омский ун-т, 1999.
- Тургенев Н.И. Россия и русские. М.: О.Г.И., 2001.
- Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М.: Транзиткнига, 2004.
- Щербатов М.О. Повреждении нравов в России князя М. Щербатова. М.: Наука, 1983.
- Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII–начало XIX столетия. М.: Мысль, 1982.
- Kivelson V. Kinship Politics/Autocratic Politics. A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century Political Culture // Imperial Russia. New Histories for the Empire. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1998.

"CHALLENGES" AND "RESPONSES" OF THE 18th CENTURY RUSSIA

NEFEDOV S.A.

*Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University, Russia**Sergey A. NEFEDOV, Dr. Sci. (Hist.), Leading researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Prof., Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia (hist1@yandex.ru).*

Acknowledgement. The article is part of the project «Russian Modernizations: Historical Challenges and Mechanisms for their Overcoming» within the Ural Branch of RAS program «Socio-economic and humanitarian problems of society development».

Abstract. The recently adopted "Strategy for the Scientific and Technical Development of the Russian Federation" examines the tasks facing the state within the framework of A. Toynbee's "challenges and responses" concept. According to the historical experience, Russia previously had to respond to the economical, technological and military challenges. Investigation of the "challenge-response" mechanism reveals many details. Their understanding from the perspective of historical sociology can be helpful in our time as well. In the author's previous paper, it was shown that one of Russia's effective "responses" to the challenge of the West was the reforms of Peter I. The purpose of these reforms was to create a "regular state", but after the death of the reformer, a period of a traditionalism reaction came, when many of the results of reforms were lost. In Prussia, the program for the creation of a regular state was carried out more consistently, and in the 1740s this new military power challenged the surrounding countries, including Russia. The response of Russia was expressed in the unsuccessful reforms of Peter III, which led to the death of the emperor, the weakening of the state and the formation of a "noble monarchy". In this situation, the Russian society could not resist the new challenge expressed in the spread of the French aristocratic culture. As a result, social divisions have become cultural in nature. Meanwhile, the challenge from the Western "regular states", Prussia and Austria, towards the end of the XVIII century sounded with a renewed vigor. Paul I tried to give a new respond to this challenge, but this attempt, as well as the attempt of Peter III, ended in failure.

Keywords: Russian Federation, scientific and technological development strategy, Toynbee, challenges and responses, historical experience, 18th century, import of institutions, import of technologies.

REFERENCES

- Anisimov E.V. (1986) *Russia in the Middle of the XVIII Century. The Struggle for the Legacy of Peter*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Belyaev I.D. (2002) *Peasants in Russia*. Moscow: GPIB. (In Russ.)
- Beskrovnyy L.G. (1958) *Russian Army and Navy in the XVIII Century*. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
- Cox W. (1877) Russia in 1778. The Journey of William Cox. *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. Vol. 19: 23–52. (In Russ.)
- Eidelman N. Ya. (1982) *The Edge of the Ages. Political Struggle in Russia. The end of the XVIII – the Beginning of the Nineteenth Century*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Fenor V. (2004) *Friedrich Wilhelm I*. Moscow: Transitbook. (In Russ.)
- Kamensky A.B. (2001) *From Peter I to Paul I. Reforms in Russia of the XVIII century. Experience in holistic analysis*. Moscow: RGGU. (In Russ.)
- Kivelson V. (1998). Kinship Politics/Autocratic Politics. A Reconsideration of Early-Eighteenth-Century Political Culture. In: Burbank J., Ransel D. (eds.). *Imperial Russia. New Histories for the Empire*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press: 5–21.
- Klyuchevsky V.O. (1937) *Course of Russian History. Part 5*. Moscow: Gos. sots. – ek. ed. (In Russ.)
- Kostomarov N.N. (1994) *The Split*. Moscow: Charlie. (In Russ.)
- Leonov O.G., Ulyanov I.E. (1995) *Regular Infantry: 1698–1801*. Moscow: AST. (In Russ.)
- Madariaga I. (2002) *Russia in the Era of Catherine the Great*. Moscow: New literary revie. (In Russ.)
- Manstein K.G. (1998) *Notes on Russia*. Rostov-on-Don: «Phoenix». (In Russ.)
- Milov L.V. (1998) *Great Russian Plowman and Features of the Russian Historical Process*. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Mylnikov A. (1991) *The Temptation by a Miracle: «Russian Prince, His Prototypes and Twins are Impostors»*. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
- Nefedov S.A. (2014). The Origin of the "Regular State" of Peter the Great. *Voprosy istorii* [Questions of History], No/ 1: 31–40 (In Russ.)
- Nefedov S.A. (2017) «Challenges» and «answers» in the history of Russia (on the example of the pre-Petrine and Petrine reforms, 1615–1725). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 9: 78–87. (In Russ.)
- Pavlenko N.I. (1962) *History of Metallurgy in Russia in the XVIII Century. Factories and Factory Owners*. Moscow: AN SSSR. (In Russ.)
- Pavlov-Sil'vanskii N.P. (1910) *Works*. Vol. II. Saint Petersburg. (In Russ.)
- Petrkhintsev N.N. (2001) *The Reign of Anna Ioannovna: the Formation of the Internal Political Course and the Fate of the Army and Navy. 1730–1735* Saint Petersburg: Aletheia. (In Russ.)
- Samarin Yu. F. (1878) *Works*. Vol. II. Moscow: I.D. Samarin. (In Russ.)
- Shcherbatov M. (1983) *On the Damage to Morals in Russia, Prince M. Scherbatov*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Solov'ev S.M. (1992) *Compositions*. Book. IX. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Solov'ev S.M. (1993) *Compositions*. Book. X. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
- Somina R.A. (1959) *Nevsky Prospekt. Historical essay*. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
- Sorokin Yu. A. (1996) *Paul I. Personality and Fate*. Omsk: Omskii gosun-t. (In Russ.)
- Sorokin Yu. A. (1999) *Russian Absolutism in the Last Third of the XVIII Century*. Omsk: Omskii un-t. (In Russ.)
- Turgenev N.I. (2001) *Russia and the Russians*. Moscow: OGI. (In Russ.)
- Valishevsky K. (1990) *Son of the Great Catherine. The Emperor Paul*. Moscow: Ikpa. (In Russ.)

Received: 03.05.18. Accepted: 28.05.18.